

меньшевиками, если их позиция вас удовлетворит больше, чем наша. Что было бы хуже всего, многие делегаты будут колебаться, и если вы уйдете, они уйдут вместе с вами. Прав ли я?"

"Вы правы", я ответил. Я не принял бы мандата с фракционными обязательствами. Больше того, я не оставил бы безработных ради партийного съезда.¹⁾

В дальнейшем, автор данной книги вел литературную и политическую работу, насколько это было возможно в тюрьме и позже в ссылке, в тесном контакте с социалистами всех толков - социал-демократами и социалистами-революционерами. Только когда социал-демократическая партия формально раскололась на меньшевиков и большевиков в 1917 году, он официально присоединился к меньшевикам, выступив в последний раз против Ленина на собрании большевистской группы.

Дальнейшая судьба автора. В томе, посвященном памяти автора данной книги, *So Much Alive, Life and Work of Vladimir S. Goultinskii*, отмечены основные этапы его жизни и научного и литературного творчества. Но жизнь его была так необычна и разнообразна, что ни этот том, ни его собственные воспоминания не дают полной картины. Тем не менее, это возможно сделать на страницах этой книги, где я попытаюсь наметить только отдельные характерные моменты.

Мой муж написал этот труд в несколько месяцев на даче отца в Териоках (Финляндия). По возвращении в Петербург, где он больше не мог ни открыто участвовать в политической борьбе, ни продолжать университетские занятия, он решил уехать оттуда. Ленин предложил ему ехать с ним за границу и участвовать в большевистском журнале, обещая ему полную независимость в высказывании его взглядов. Мой муж отказался не только потому, что он уже тогда понимал, что "независимости" в работе с Лениным быть не может. 2) Как он объясняет в своих воспоминаниях, он уже не чувствовал себя "настоящим большевиком", хотя большевизм увлекал его "своей прямой революционностью, своей простотой, своей близостью к стихийным движениям рабочих масс". Его связывал с ним "дух буйтарства, отвечавший тогда моим настроениям и уровню моего развития в то время. Но мне была чужда сектанская нетерпимость большевизма."

Еще серьезнее были для него моральные возражения против отъезда за границу. Из тех, которые шли за ним и его призывами к борьбе, многие были в ссылке или тюрьме, другие попадались жизни. Он не чувствовал себя в праве уклониться от последствий, которые другие встретили так мужественно.

1) *Stormy Passage*, стр. 123, Vanguard Press Inc., New York, 1962.

2) *На Ущерб Революции*, стр. 251.

Надежда Крупская, жена Ленина, предложила ему тогда на выбор два города - Баку и Екатеринослав - для партийной работы. В Баку его задачей была бы борьба против меньшевистского влияния; он выбрал Екатеринослав, где партия была очень слаба и не было фракционной борьбы. Он пытался поставить там нелегальную газету и наладить организацию, но был вскоре арестован и отправлен в Екатеринославский Централ, одну из самых ужасных тюрем тогдашней России. Там мой муж оказался в одном коридоре со смертниками, видел как их вели на виселицу, перенес эпидемию тифа и избиения, сам симулировал сыпной тиф, чтобы быть переведенным в тифозный барак и оттуда бежал. Он чуть не погиб, сначала от "снадобья" для симуляции, затем от близости к тифозным больным и от холода в бараке и, наконец, при попытке бегства.

Описание его переживаний в тюрьме, его борьбы против тюремщиков и защиты заключенных - политических и уголовных - против системы насилия и беззаконности печатались в лучших журналах России, рисковавших штрафами и закрытием даже в то время, когда сам автор был в тюрьме. Они печатались за подписью "С" пока он был на каторге, и за его собственной фамилией в сибирской ссылке. 1)

Несмотря на ужасный режим, постоянное недоедание и холод в Екатеринославском Центральном, мой муж продолжал научную работу и в 1910 году, еще на каторге, напечатал книгу *Заработная Плата*. 2)

В ссылке мой муж продолжал литературную работу по разоблачению условий в тюрьме - как в Екатеринославском Центральном, в котором он был заключен, так и в Орловском Центральном - о зверском режиме, в котором он узнал от людей, чудом уцелевших после истязаний в этой тюрьме. 3) Там же, в Сибирской ссылке, он занялся изучением Сибири и напечатал ряд очерков о своих путешествиях и странствованиях по огромным сибирским пространствам. В 1916 году он переиздал

1) "Смертники", *Вестник Европы*, 1910, в июле и августе; "Суд Победителей", *Русское Богатство*, 1911, июль; "За железной решеткой", *Русское Богатство*, 1912, июль, июль и август, и другие статьи.

2) С. Петербург, *Правда*, 106 стр.

3) "О каторге", *Правда*, 1912; "Воскресшие", *Современный Мир*, 1912; "После Взрыва", *Русское Богатство*, 1913; там же "Призраки", 1913; "Правда об Орловском Центральном", которую цензура не пропустила в России, была напечатана в Голландии. Оригинал этой статьи хранится в Нью-Йоркской Публичной Библиотеке, куда ее сдал Георгий Кеннан, исследователь российских тюрем и ссылки. Кто именно и при каких обстоятельствах передал эту рукопись Кеннану из Амстердама, мне не удалось выяснить. В 1914 году В.С. Войтинский напечатал статью "Арестантские могилы" в *Новом Живом*. Хотя журнал воспроизвел только часть этого очерка, написанного еще в Александровском Центральном, он был закрыт. Три очерка "Смертники", "За железной решеткой" и "После взрыва" были перепечатаны в виде сборника под общим заглавием "Вне Жизни", в 1914 году в Петербурге.